

Глава I

Ночь сигнальных огней

Мне, Джоку¹ Калдеру из Вест-инча, кажется удивительным, что я живу в самой середине девятнадцатого века, мне всего-то пятьдесят пять и моя жена ну, может быть, раз в неделю замечает у меня на виске новый седой волосок, но я помню еще те времена, когда жизнь и даже мысли людей были настолько непохожи на современные, словно жили они на другой планете. Выходя в поле, я вижу белые хлопья дыма, который выпускает несущийся через Бервикшир*² столापый питающийся углем зверь, в чьем брюхе сидит тысяча человек. В солнечный день я даже вижу, как блестят медью его бока, когда он поворачивает рядом с Корримьюром*, а переводя взгляд в море, я вижу такого же зверя или даже целую дюжину подобных ему зверей, которые, оставляя за собой черные следы в небе и белые на воде, несутся навстречу ветру так же легко, как лосось, выпрыгивающий из Твида*. То, на что совершенно спокойно взираю я, заставило бы моего старого доброго отца онеметь от изумления и глубокого возмущения, потому что больше всего на свете он боялся идти против замысла Создателя, и желание быть ближе к природе заставляло его воспринимать все новое чуть ли не как богохульство. Поскольку лошадь была создана Богом, а паровоз — человеком из Бирмингема*, мой отец предпочел бы седло и шпоры.

Однако он бы удивился еще больше, если бы узнал, насколько миролюбивы и добры стали в наши времена люди, сколько в газетах и на сходках твердят о мире, о том, что войн больше не будет... ну, разве что с чернокожими или другими цветными. Ведь когда он умер, мы, с небольшим перерывом в два года, воевали чуть ли не четверть века*. Подумайте об этом, вы, живущие

¹ Джок — шотландский вариант имени Джек (*Примеч. ред.*).

² Здесь и далее знаком * обозначены слова, поясняемые в комментариях в конце книги.

ныне такой спокойной и мирной жизнью! Дети, родившиеся во время войны, выросли и обзавелись собственными детьми, а война все продолжалась. Те, кто начинал эту войну, успели состариться и превратиться в стариков, а корабли и армии все так же сражались. Неудивительно, что в конце концов люди стали воспринимать войну как нечто повседневное, должное, и жизнь без войны стала казаться им чем-то противоестественным и непривычным. Мы воевали с голландцами, мы воевали с датчанами, мы воевали с испанцами, турками, американцами, монтевидеанцами*, пока наконец не стало казаться, что в этой вселенской борьбе любой народ, каким бы близким или далеким от нас по крови он ни был, все равно может стать нашим врагом. Но больше всего мы воевали с французами, и человек, которого мы больше всего ненавидели, боялись и которым больше всего восхищались, был их великим полководцем, правителем именно этого народа.

Да, можно было рисовать карикатуры на него, петь о нем песенки или считать его самозванцем, но, можете мне поверить, ужас перед этим человеком накрыл черной тенью всю Европу, и были времена, когда неожиданный свет, показавшийся ночью на горизонте, заставлял всех женщин падать на колени и молиться, а всех мужчин — хвататься за мушкеты. Он всегда побеждал, и это было самое страшное. Можно было подумать, что его хранили сами мойры, богини судьбы*. И вот в один прекрасный день мы узнали, что он приближается к нашему северному берегу и ведет за собой сто пятьдесят тысяч опытных, проверенных в боях солдат и армаду кораблей. Впрочем, это старая история о том, как под оружие встала треть всего взрослого населения нашей страны и как один наш маленький одноглазый и однурукий человек сумел разбить их могущественный флот*. В Европе еще осталась земля, где можно было свободно мыслить и говорить.

Когда-то на одном из холмов в устье Твида была сооружена огромная куча из бревен и старых смоляных бочек, которая в случае опасности должна была вспыхнуть и превратиться в сигнальный огонь, и я прекрасно помню, как напрягал глаза,

пытаясь разглядеть, не загорелась ли вдали тревожная точка. Мне было всего восемь лет, но в таком возрасте любое большое горе становится твоим собственным, и мне представлялось тогда, что судьба всей страны зависела от меня и моей бдительности. И вот однажды вечером мне вдруг показалось, что на склоне далекого холма я увидел мерцание, крошечная искорка затрепетала во тьме. Помню, как я сперва протер глаза, потом уцепился за себя и ударил костяшками пальцев по каменному подоконнику, чтобы убедиться, что не сплю и это мне не снится. Потом языки далекого пламени взметнулись выше, по воде между нами прошел красный колышущийся отблеск, и я бросился на кухню, к отцу, с криком о том, что идут французы и загорелся сигнальный огонь. Отец в это время разговаривал со студентом-юристом из Эдинбурга, и я помню, как он выбил трубку о край камина и посмотрел на меня поверх своих очков в роговой оправе, так, словно это было вчера.

— Ты не ошибся, Джок? — спросил он.

— Да чтоб мне умереть! — крикнул я, задыхаясь от волнения.

Он взял со стола Библию и раскрыл у себя на коленях, как будто собирался почитать нам, но, так и не произнеся ни слова, захлопнул ее и быстрым шагом вышел во двор, а оттуда к калитке рядом с дорогой. Мы, я и студент, последовали за ним. Теперь сомнений не было, большой сигнальный огонь в устье Твида уже полыхал вовсю, к тому же с северной стороны, в Айтоне, показался еще один огонек, поменьше. Мать, чтобы мы не замерзли, принесла пледы, так мы и простояли до самого утра, почти не разговаривая. Те несколько слов, которыми мы обменялись, были произнесены шепотом. На дороге сделалось как никогдалюдно, потому что многие фермеры в наших краях записались в бервикские* добровольческие полки и теперь, кто пешком ходом, кто верхом, устремились на мобилизационный пункт. Кое-кто успел пропустить кружку-другую на посошок. Я до сих пор не могу забыть одного из наших соседей, который, как призрак в лунном свете, промчался мимо нас на огромной белой кобыле, размахивая старым ржавым мечом. Кто-то из проходящих мимо крикнул, что и в Норт-Бервик-ло* горит

сигнальный огонь и что, похоже, тревогу подняли в эдинбургском замке. Несколько всадников проскакали в обратном направлении, гонцы в Эдинбург, сын нашего лэрда¹, мастер Клейтон, помощник шерифа и им подобные. От общего потока отделился всадник на чалой лошади и направился к нам. Это был широкоплечий крупный мужчина, он остановился у калитки и что-то спросил про дорогу. Когда он снял шляпу, я увидел, что у него доброе вытянутое лицо и высокий лоб, окаймленный песочными волосами.

— Сдается мне, это не ложная тревога, — сказал он. — Хотя, может, и стоило посидеть, подождать немного, может, все и уляжется, но теперь-то уж поздно возвращаться, завтракать, видно, придется уже в полку.

Он вонзил шпоры в бока лошади и поскакал вдоль холма.

— А я его знаю, — сказал наш студент, кивнув вслед всаднику. — Это адвокат из Эдинбурга, он еще и неплохой поэт, Ватти Скотт его зовут*.

Ни мне, ни отцу имя это тогда не было знакомо, но уже очень скоро о нем узнала вся Шотландия, и потом мы много раз вспоминали, как в ту ночь страха он спрашивал у нас дорогу.

Под утро мы начали понемногу успокаиваться. Было холодно и пасмурно, и, когда мать пошла в дом заварить нам чаю, на дороге показалась двуколка, в которой ехали доктор Хорскрофт из Айтона с сыном Джимом. Большой воротник его коричневого пальто был поднят и закрывал уши. Настроение у доктора было прескверное, потому что Джим, которому было всего пятнадцать, как только была поднята тревога, сбежал из дому и, прихватив новенькое охотничье ружье отца, направился в Бервик вступать в армию. Всю ночь доктор гонялся за ним и теперь вез домой вместе с украденным ружьем, ствол которого торчал из-за сиденья. У Джима настроение было не лучше, чем у отца, он сидел, засунув руки в карманы, дулся и выпячивал нижнюю губу.

¹ Лэрд — помещик, землевладелец в Шотландии (здесь и далее примеч. перев.).

— Все неправда! — крикнул доктор, проезжая мимо нас. — Никакой высадки не было. Все эти болваны всю ночь болтались по дорогам совершенно напрасно.

Джим буркнул на это что-то неразборчивое, за что тут же получил по голове кулаком от отца, отчего челюсть у него отвисла, как будто удар оглушил его. Мой отец покачал головой — Джим ему нравился, и сразу после этого мы все втроем вернулись в дом. Теперь, когда после бессонной ночи мы узнали, что бояться нечего, глаза у нас начали слипаться, головы — клониться на грудь, но на душе было такое счастье, которое за всю мою последующую жизнь мне доводилось испытывать лишь раз или два.

Впрочем, все это почти не имеет отношения к тем событиям, ради описания которых я взялся за перо, но, если у человека хорошая память и довольно посредственный талант, он просто не может выразить одну мысль, попутно не сопроводив ее дюжиной других. И все же, начиная задумываться, я прихожу к выводу, что связь все-таки существует, поскольку та ссора Джима Хорскрофта с отцом оказалась настолько серьезной, что доктор не выдержал и спровадил сына в Бервикскую академию, а поскольку мой отец давно хотел, чтобы я там учился, он не преминул случая отправить туда и меня.

Но прежде, чем я напишу хоть слово об этой школе, я вернусь к тому, с чего должен был начать, — расскажу немного о себе, поскольку может статься, что строки эти будут читать люди, живущие за границей и никогда не слыхавшие о Калдерах из Вест-инча.

Название Вест-инч, может быть, звучит и внушительно, но это не благородное поместье с возвышающимся на холме прекрасным особняком, нет, это всего лишь большая старая, побитая ветром овечья ферма, растянувшаяся вдоль морского берега. Человек бережливый и работающий может здесь свести концы с концами и заработать на масло вместо патоки по воскресеньям. Прямо посреди фермы стоит дом из серого камня с шиферной крышей, с коровником на заднем дворе и надписью «1703», выбитой на каменной перемычке над дверью. Здесь

наши предки жили более ста лет, и несмотря на то, что никогда не были богачами, стали считаться уважаемыми людьми в округе, потому что у нас в деревнях старых фермеров порой уважают больше, чем новых лэрдов.

У нашего дома была одна интересная особенность. Инженеры и другие ученые люди высчитали, что граница между двумя странами проходит прямехонько через его середину, разделяя нашу спальню на английскую и шотландскую половины. Детская кровать, в которой я спал, была расположена так, что голова моя находилась к северу от границы, а ноги — к югу. Мои друзья шутят, что, если бы я ложился по-другому, голова у меня не была бы такой рыжей, а характер был бы попроще. И я с ними согласен, потому что не раз со мной случалось такое, что, когда мои шотландские мозги не видели выхода из какой-либо опасной ситуации, на выручку мне приходили крепкие мускулистые английские ноги, которые уносили меня туда, где мне ничто не угрожало. Но, когда я учился в школе, все это доставляло мне сплошные неприятности, мне даже прозвища давали соответствующие: Джок-половинка, Великобритания или Юнион Джек*. Когда шотландские мальчишки дрались с английскими, одна из сторон пинала меня по лодыжкам, а вторая колотила по ушам, пока обе враждующие стороны вдруг не останавливались и не начинали дружно хохотать, как будто в этом было что-то смешное.

Поначалу мне показалось, что худшего места, чем Бервикская академия, в мире просто не существует. У меня было два учителя, Бертвистл и Адамс, и оба они мне ужасно не нравились. Вообще я был скромным, даже пугливым ребенком и плохо сходился как с остальными ребятами, так и с учителями. От Бервика до моего родного Вест-инча, если напрямик, девять миль, если по дороге — одиннадцать с половиной, и, когда я думал, как далеко сейчас от меня моя мама, мне все время хотелось плакать. Однако учтите, любой мальчишка в таком возрасте делает вид, что он уже достаточно взрослый и может обходиться без материнской заботы, но как же горько ему приходится, когда бывает нужно доказать это на деле! Как-то раз я подумал, что